
ДИСКУССИЯ

УДК 008

DOI: 10.31249/hoc/2023.04.11

*Глухов С.В.**

ПЕРЕЖИТОЧНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ФОРМЫ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОЛОГИИ Ю.М. ЛОТМАНА

Аннотация. Данная статья посвящена пережиточным культурным формам, рассмотренным в призме семиотики культуры российско-советского ученого Ю.М. Лотмана. Цель статьи – выявление смысловых пересечений между исследованиями Лотмана и темой пережиточных культурных форм. Для выполнения этой задачи необходимо внимательно рассмотреть содержание всех основных работ ученого.

Ключевые слова: культурные пережитки; пережиточные культурные формы; Э. Тайлор; Ю.М. Лотман; семиотика культуры; функционализм; культурная память.

Поступила: 22.07.2023

Принята к печати: 19.08.2023

Для цитирования: Глухов С.В. Пережиточные культурные формы в контексте семиологии Ю.М. Лотмана // Вестник культурологии. – 2023. – № 4(107). – С. 191–204. – DOI: 10.31249/hoc/2023.04.11

* Глухов Сергей Викторович – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; sglukhov@mail.ru

Glukhov Sergey Viktorovich – Junior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; sglukhov@mail.ru

Glukhov S.V.
The survivals in the context of Yu.M. Lotman's semiology

Abstract. This article is devoted to the survivals considered in the context of the semiotics of culture by the Russian-Soviet scientist Yu. M. Lotman. The purpose of the article is to identify semantic intersections between Lotman's research and the topic of survivals. To accomplish this task, it is necessary to carefully explore the contents of all the main works of the scientist.

Keywords: survivals; E. Tylor; Y.M. Lotman; semiotics of culture; functionalism; cultural memory.

Received: 22.07.2023

Accepted: 19.08.2023

For quoting: Glukhov S.V. The survivals in the context of Yu. M. Lotman's semiology // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 4(107). – P. 191–204. DOI: 10.31249/hoc/2023.04.11

Введение

Пережиточные культурные формы (или просто «культурные пережитки») – это особые феномены культуры, которые, согласно определению эволюциониста Э.Б. Тайлора, были перенесены из одной исторической эпохи в другую и «остаются живым свидетельством или памятником прошлого» [Тэйлор, 2009, с. 50].

Как раз с именем последнего обычно ассоциируются пережиточные культурные формы. Английский эволюционист оставил множество описаний таких пережитков, однако так и не смог создать на этой базе полноценную теорию. В своей статье «Культурные пережитки Э.Б. Тайлора: попытка классификации» [Глухов, 2022] я выделил 20 типов пережиточных форм, пользуясь только этими описаниями. Тем не менее схожие исследования, без упоминания термина, уже проводились философами и историками Древней Греции и Древнего Рима (см.: [Философская энциклопедия, 1983, с. 487; Hodgen, 1936, p. 44–45]). Что же касается термина «пережиток» (по-английски “survival”), его лексические варианты имеют вполне обыденное значе-

ние в английском языке, обозначая процесс и результат «сохранения», «удерживания» или «консервации», в том числе в трудных для этого условиях. М. Ходжен отмечает наличие одной из таких лексем в сочинении английского антиквара и священника Джона Бранда (1744–1806) [Hodgen, 1936, p. 48–49]. Аналогами данного термина могут служить такие слова, используемые, как правило, в переносном значении, как «след» (“vestige”), «остаток» (“remain”), «реликт» (“relic”) и «реликвия» (“relique”). В таком виде он уже присутствует у Фрэнсиса Бэкона, Томаса Гоббса, а также у английских историков и исследователей древностей Генри Борна (1694–1733) и Джона Обри (1626–1697) [ibid, p. 48].

Неявное определение Тайлора, а также широта приводимых им описаний не давали понимания, являются ли пережиточные формы культурно полезными в новой для себя среде или они выступают лишь в качестве бесполезных «рудиментов». В дальнейшем некоторые эволюционисты (У. Риверс, Р. Маретт, А. Хэддон, Э. Лэнг) и представители культурно-исторической школы (Фр. Боас, Р. Лоуи) уточнили понятие пережитка, отбросив все функциональные формы (т.е. «рецидивные» или «возрожденные»), о чем я пишу в вышеприведенной статье.

Ход развития науки о пережиточных формах казался вполне перспективным, однако он был остановлен в результате оглушительной критики со стороны школ диффузионизма и функционализма и уже упоминавшихся представителей культурно-исторической школы. Были выдвинуты три основных аргумента. Первый их них можно условно назвать «культурно-биологическим». Этот аргумент предполагал, во-первых, полную биологическую тождественность всех существующих человеческих рас, а во-вторых, абсолютную корреляцию между природой человека и условиями, в которых он воспитывался. «Коллективная память» того или иного сообщества, таким образом, не могла переходить за рамки своего исторического существования, или, иными словами, всё, что человек усваивал в результате опыта, полностью определяло его поведение и его ценности. Те же культурные элементы, которые внешне напоминали «пережитки», объяснялись действием диффузии между разными сообществами или непосредственным развитием базовой культуры.

Сегодня данный постулат не выглядит столь уж очевидным, как это еще было в начале и середине XX в. Теоретические успехи эволю-

ционной психологии (социобиологии), эволюционной эпистемологии, генетики поведения и нейропсихологии заставляют иначе взглянуть на него. Наследственные факторы поведения действительно существуют, и сознание человека при рождении нельзя рассматривать как «чистый лист» (правильнее всего говорить о комбинации личного опыта и наследственности). Кроме того, внимательное вглядывание в описания пережиточных форм, которые были даны Тайлором, помогает полностью обойти эту проблему. Тип пережиточных форм, которые я предложил назвать «сенильным» (медицинский термин; т.е. старческий, относящийся к старости), «указывает на действие привычки и отторжение новых технологий, которые свойственны пожилым людям» [Глухов, 2022, с. 13–14]. Через последних некий культурный элемент теоретически может передаваться бесконечно, размыкая исторические границы между культурами.

Второй аргумент против пережиточных форм – «диффузионистский». Элементы, внешне напоминающие некий архаичный срез древности, являются лишь заново усвоенными через культурный контакт (трансфер), совершающийся в настоящем времени или незадолго до этого, но в рамках данной исторической культуры.

Сразу скажем и о третьем аргументе. Условно назовем его «функционалистский». Любой так называемый «пережиток» должен отвечать требованиям культуры, в которой он функционирует, и, если он даже бесполезен, он утоляет потребность того или иного человека (группы людей) в ностальгии и «жажде возвращения в прошлое».

На оба этих аргумента можно ответить следующим образом. Так как нормативное поведение человека в культуре определяется исключением «других вариантов поведения» [Пивоев, 2020, с. 63], очевидно, что формы, внешне напоминающие архаику, предпочитают другим – полезным и более отвечающим культурной обстановке. Следовательно, не имеет значения, был тот или иной архаичный элемент получен в результате «припоминания» или в процессе диффузии, важно лишь то, что он оказался усвоен. Не имеет значения и его современная функция, поскольку он в любом случае остается осколком прошлого и дисфункциональной составляющей данной культуры на фоне более адекватных времени норм поведения, мышления и материального производства.

Постановка проблемы

Выше уже было замечено, что полноценная теория пережиточных культурных форм так и не была создана. Тем не менее для возрождения этой темы было бы уместно исследовать те имплицитные и фрагментарные теоретические представления о пережитках, сложившиеся уже после того, как была высказана критика. Одним из таких источников может служить семиотика культуры Ю.М. Лотмана.

Решение проблемы

Лотман описывает окружающий нас мир с информационно-семиотической точки зрения. Человек не может воспринимать его непосредственно, как мир вещей, но только в культурной обработке. Каждый элемент культуры представляет собой определенный знак (сему), который необходимо рассматривать как индивидуально, так и в рамках системы знаков (текста). Знаки и тексты не находятся в состоянии покоя и равновесия, а пребывают в постоянном движении. При передаче того или иного текста (сообщения) от адресата к получателю он должен опираться на метатекст (язык или код), дабы это сообщение могло быть прочитано и понято. Коммуникация между создателями текстов осуществляется с целью диалога, однако специфичность каждого сообщения затрудняет его. Подход Лотмана можно назвать неклассическим и постструктуралистским, так как он постулирует несводимость того или иного текста к универсальной структуре кода. Структура, включающая в себя все возможные знаки и тексты (а также их отношения), имеет открытую, а не замкнутую на себе природу. Тем не менее для эффективного функционирования семиотической системы (семиосферы) она должна быть формально отграничена от внешнего семиотического пространства. Все разновидности сообщений должны обладать свойством изоморфности, т.е. являться одновременно и частью целого, и его подобием. Между участниками диалога, таким образом, возникает не только отношение подобия, но и определенное различие, что отвечает ситуации типичного коммуницирования.

Любая культура делится на ядро и периферию. В ядерной области концентрируются элементы, отвечающие за самосознание и самоопи-

сание культуры. Здесь граница между двумя или большим количеством культур (семиотических систем) вполне очерчена. Что же до периферийных областей, они отличаются аморфной организацией, а их отграниченность от внешнего семиотического пространства оказывается недостаточно четкой. Иерархически ядро находится выше периферии, но в реальности они сталкиваются, будто бы находясь на одном уровне. Неожиданно возникают иные коды и языки. «Представим себе залу музея, – пишет Лотман, – где в разных витринах выставлены экспонаты разных веков, надписи на известных и неизвестных языках, инструкции по дешифровке, составленный методистами пояснительный текст к выставке» [Лотман, 2010в, с. 93].

Поскольку не существует культур без периферийных элементов, возможен диалог между различными культурами. Динамические культурные процессы встречают меньшее сопротивление именно на периферии. Это подготавливает перемещение в будущем ядра на периферию и смену кода.

Но периферийные семиотические образования могут быть представлены не в виде языков, а в виде фрагментов утерянных или плохо усвоенных метатекстов. При этом «любой обломок семиотической структуры или отдельный текст сохраняют механизмы реконструкции всей системы» [там же, с. 94]. Воссоздание утраченного языка, однако, всегда оборачивается созданием новых смыслов. Таким образом, «постоянное наличие в культуре определенного запаса текстов с утраченными кодами приводит к тому, что процесс создания новых кодов субъективно часто воспринимается как реконструкция (“припоминание”»)» [там же].

Правильное структурное соотношение между двумя текстами и знаками внутри ядра культуры отвечает принципу зеркальной симметрии: они зеркально равны, но различны при наложении, т.е. «относятся друг к другу как правое и левое» [там же, с. 102]. Это было бы невозможно, если бы между ядром и периферией не существовало системной асимметрии: культура стала бы избыточной относительно своего кода.

Осмысленное самоописание кода нуждается в переводе всех знаков и текстов с множественных и дискретных языков на единый и континуальный язык. Если этого не происходит, тексты начинают

распадаться на отдельные знаки, которые, в свою очередь, складываются в тексты на чуждых этой семиосфере языках.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в толще культуры происходит два противонаправленных процесса. Во-первых, «запущенный в работу механизм дуальности приводит к постоянному расщеплению каждого культурно активного языка на два, в результате чего общее число языков культуры лавинообразно растет» [Лотман, 2010е, с. 49]. В таком случае каждый из возникающих таким образом языков представляет собой самостоятельное, имманентно замкнутое в себе целое. Одновременно происходит противоположный процесс: дуально симметричные языки интегрируются в целостные образования.

Лотман полагает, что культура есть объединение психологических личностей, которые способны творчески интерпретировать информацию и создавать индивидуальные сообщения. Чем более индивидуален субъект сообщения, тем менее понятен его язык. Это означает, что «всякий человеческий диалог превращается в разговор на языках, лишь в определенной степени адекватных друг другу» [Лотман, 2010а, с. 38]. В результате создается ситуация социального конфликта, власти и подчинения. Тексты, отличающиеся заметным своеобразием, выделяются в особые области, где к ним приклеиваются ярлыки «неправильности», «комичности», «пошлости» и др. Культура всегда существует в противопоставлении себя *не*-культуре – «сфере, функционально принадлежащей культуре, но не выполняющей ее правил» [Лотман, 2010б, с. 57]. Свободная творческая личность может также создать уникальный текст, который невозможно дешифровать обычным способом, обращаясь к уже известным языкам. Однако такой текст должен быть хотя бы частично ассоциирован аудиторией с ее собственными языковыми программами (в том числе мнемоническими, т.е. с памятью).

Как же возникает культура? Изначально она возникает в границах другой культуры и некоторое время остается в притяжении ее орбиты. Далее она начинает обособляться, вызывая хаотические процессы и создавая собственные метатексты. Благодаря этому ядерная и периферийная структуры меняются местами, а элементы, бывшие когда-то смыслопорождающими, переходят в потенциальное состояние. В конце концов культура самоорганизуется и приобретает свойственную

только ей устойчивую форму, а между текстами образуется определенная система функций и отношений.

Полиглотизм (многоязычность) культуры обеспечивается не только вышеприведенными механизмами. Даже внутри собственного ядра культура недостаточно однородна. Здесь происходит интерференция различных метатекстов. Например, устный язык не тождествен письменному – записанное обладает большей устойчивостью (кроме того, устный язык возник раньше). А язык права и язык правил отличаются друг от друга, в частности, четкостью формулировок. Можно представить себе семиотическую ось, на одном конце которой расположен метаязык, обеспечивающий однозначность понимания, в центре – естественные языки (т.е. разговорные), а на другом конце – полиструктурные системы типа языка творчества или архаичных языков. «Реальные тексты, – как пишет Лотман, – перемещаются по этой оси в зависимости от их структурной доминанты» [Лотман, 2010д, с. 79]. Колебание текстов между различными системами добавляет культуре необходимую информативность.

Творческий язык (художественный, поэтический, изобразительный и т.д.) перегружен различными значениями. Тогда как естественный язык и метаязык характеризуют текст с точки зрения его содержания, творческие языки делают акцент на выразительной (эстетической) стороне текста. В случае интерпретации «как только мы улавливаем некоторую упорядоченность в сфере выражения, мы ей немедленно приписываем определенное содержание или предполагаем наличие здесь еще не известного нам содержания» [Лотман, 2010г, с. 125]. Текст не должен быть набором знаков. Если он не содержит в себе хотя бы толики семантической ценности, он становится нечитабельным. В зависимости от исторических условий, возможны эпохи, когда содержание текстов превалирует над их выражением (например, Средневековье), и наоборот, когда выражение превалирует над содержанием (современный период). Есть также возможность реализации выражения как *не-выражения* (непознаваемости, неопределенности), т.е. семантическим нулем, «присутствовать как отсутствие» [Лотман, 2000а, с. 12].

Каждая культура существует в определенных рамках – пространственных и временных. Пространство культуры задается либо географически (этническая область), либо топологически (пространство

циркулирования текстов). Время культуры зависит от ее типологической характеристики (выделение исследователями «периодов», «эпох», «этапов») и, кроме того, ее места в истории. В своих границах культура лишена исторического измерения, поскольку история развивается линейно, а культура – циклически. Возникая, текст обретает индивидуальность и относительную новизну, отделяется от кода (т.е. других таких же или похожих текстов), но в конце концов возвращается к нему же. Если этого не происходит, налицо культурный взрыв, новая культурная идея. Взрывные процессы придают культуре непредсказуемости и вновь наделяют ее историческим измерением. Тем не менее в сознании человека, погруженного в культуру, ее развитие вполне линейно. Этот эффект достигается за счет наложения цикличности культуры на линейное течение времени. По вышеизложенным причинам культура должна избегать взрывных процессов. Так что в ее интересах презентовать свое развитие в виде постепенных изменений. Справедливости ради надо отметить, что некоторые сферы культуры действительно не могут развиваться скачкообразно (например, сфера техники); обратный пример – сфера искусства. К тому же некоторые исторические культуры пытаются включить в свой цикл взрывные процессы, но для этого необходимы особая устойчивость и контроль со стороны кода. Взрывы в одних пластах должны сочетаться со стабильностью и непрерывностью в других (эстетика – политика). Такая культура не может не включать в себя вне- и иносемиотические пространства в попытке преодолеть все незначимые (как ей кажется) различия между культурами (в том числе культурами прошлых исторических периодов).

Нельзя обойти вниманием противопоставление Лотманом так называемых «бинарных» и «тернарных» культур. В бинарной культурной системе одни элементы пытаются уничтожить другие (пассионарные, опасные) и вывести их из собственного цикла («тоталитарная» культура). Здесь взрыв, если он все-таки происходит, «охватывает всю толщу бытия» [там же, с. 142]. В тернарных же системах между ядерными и периферийными структурами происходит диалог, который выражается в конструировании «третьего элемента». В качестве иллюстрации можно привести рабочие профсоюзы или органы представителей тех или иных социальных слоев на парламентских собраниях. Политическая власть в таких культурных системах как будто

включает в себя свою оппозицию. В тернарной культуре взрывные процессы не характеризуются катастрофичностью. Они могут совершаться в одних сферах, тогда как другие при этом остаются стабильными.

Многообразие и динамизм той или иной культуры, несмотря на ее структурное единство, прямо связаны с наличием «третьих элементов». Важнейшими элементами этого плана являются творчество, диалог и память. Если создание текстов требует следования жестким правилам, все творческие импульсы последовательно гасятся. В обратном же случае каждый творец текстов может выступить в качестве новатора, а конкретный текст – поглотить язык культуры, внутри которой он создан. Ту же функцию имеет диалог. Деление между внешним и внутренним кругом культуры условно, поскольку культурная система постоянно сталкивается с проникновением инородных текстов. Но установление прочных внешних границ защищает культуру от поглощения другой культурой. Таким образом, многообразие текстов опирается на их нерастраченный потенциал: не только быть частью единства, но и разрушать целые культуры, продвигая своих «агентов» на освободившиеся места. По этой причине, как считает Лотман, любой текст (и даже любой фрагмент текста) можно назвать «монадой».

Отдельно скажем о памяти. Дело в том, в что культура функционирует одновременно в двух срезах – синхронном и диахронном. В первом случае культурная система выступает как имманентное образование. При этом, однако, она перестает быть «сложным и живым явлением с противоречивым набором случайных и закономерных черт» [Лотман, 2000г, с. 449]. Тем не менее не стоит торопиться и рассматривать коллективную память того или иного общества лишь в диахронном значении. «Каждая культура, – пишет Лотман, – создает модель длительности своего существования, непрерывности своей памяти» [Лотман, 2000в, с. 489]. Оперативная память культуры становится ее программой, серией образцовых текстов. Напротив, глубинная или долгосрочная память создает резерв неактуальных, но способных к актуализации сообщений.

Глубинная память представляет собой стохастичное (вероятность перевода ее текстов стремится к нулю) и внесемиотическое пространство, доступ к которому затруднен, а структура достаточно аморфна и фрагментарна. По отношению к оперативной памяти она занимает бо-

лее иерархически низкое место. Благодаря механизмам удваивания (они описаны выше) и забывания одни тексты вытесняются другими, что ограничивает объем оперативной памяти культуры. В свою очередь, объем глубинной памяти практически неисчерпаем, поскольку она включает в себя все ранее существовавшие тексты и постоянно пополняется новыми.

В лоне глубинной памяти все тексты перемешаны между собой безо всякой организации. Это создает проблему реконструкции: как из небольшого фрагмента можно составить впечатление обо всей культуре? Таким образом, чаще всего в современных текстах используются отдельные знаки (например, мифологические образы в поэзии символизма), а не целые системы с присущими им идеологиями и структурами. Исходя из этого различия, Лотман заключает, что «соответствующие формы могут представлять собой реликтовое явление или результат регенерации» [Лотман, 2000б, с. 537]. Не стоит также забывать, что даже при восстановлении всей знаковой системы ее перевод совершается по правилам ныне существующего языка.

Любой человек, входя или закрепляясь в той или иной культуре, сталкивается с необходимостью «обучения» этой культуре. Обучение состоит в первую очередь в освоении естественного языка (при рождении). Далее человек запоминает культурные правила, принятые в этом сообществе, а также изучает всю толщу текстов, имеющих хождение в рамках данной культуры (речь, разумеется, не идет только о литературных произведениях). Однако человек не только воспринимает культуру, но и определенным образом ее обрабатывает, в том числе в ситуации освоения естественного языка. Это значит, что его сознание (или бессознательное) уже является «системой прежде усвоенных языков» [Лотман, 2000г, с. 419].

Далее приведем несколько историко-культурологических описаний, данных Лотманом, в которых обнаруживаются элементы пережиточного характера. Выше уже упоминались пережитки мифологии в символической поэзии. Помимо этого, Лотман приводит факты выживания в наполеоновской империи (Франция начала XIX в.) и после ее краха «собственности на земли, распроданные в ходе революции (“национальное имущество”)» [Лотман, 2000а, с. 147]. Говоря о многоголосии культуры, Лотман отмечает, что «большинство барочных храмов Центральной Европы сохраняют для зрителя свою готическую

или романскую первооснову» [Лотман, 2010д, с. 75]. Кроме того, кафедральный собор в Сиракузах, перестроенный из античного храма в христианскую базилику, «сохранил во внутренней конструкции ряды античных колонн в стиле пестум» [там же], а в Палатинской капелле в Палермо «зала в построенном норманнами в XII в. дворце украшена византийскими мозаиками и увенчана кедровым потолком типично арабского стиля» [там же].

Выводы

Обозревая всё вышесказанное, можно сделать вывод, что тема пережиточных культурных форм представлена в трудах Ю.М. Лотмана и в имплицитном, и в эксплицитном виде. В эксплицитном виде – как «реликтовые явления» и «обломки архаических культур», а в имплицитном – как следствие различения «глубинной» и «оперативной памяти» (мой термин. – С. Г.). Кроме того, благодаря «мнемоническим (наследственным) программам индивидов» пережитки формируются и функционируют. Фрагментарно они присутствуют во многих культурных системах и в качестве своей опоры используют память того или иного коллектива о предшествующих стадиях существования культуры, либо складываются в результате передачи от одних поколений к другим в течение длительного времени.

Заключение

Для развития темы было бы целесообразно в дальнейшем исследовать другие культурологические теории, которые смогли бы надолго возродить науку о пережиточных культурных формах необходимым ей современным содержанием. Особое внимание следует обратить на семиотику культуры, структурализм и функционализм. Теоретические исследования в области культурной памяти и культурного наследия также могут быть полезны.

Список литературы

Глухов С.В. Культурные пережитки Э.Б. Тайлора: попытка классификации // Вестник культурологии. – 2022. – № 4(103). – С. 10–25.

- Пивоев В.М. Философия культуры. – Москва : Академический проект, 2020. – 426 с.
- Тэйлор Э. Первобытная культура : в 2 кн. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – Кн 1. – 464 с.
- Философская энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб., 2000а. – С. 12–149.
- Лотман Ю.М. Миф – имя – культура // Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб., 2000б. – С. 525–542.
- Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры // Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб., 2000в. – С. 485–503.
- Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры // Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб., 2000г. – С. 392–461.
- Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. – Таллинн : TLU Press, 2010а. – 234 с.
- Лотман Ю.М. Культура и язык // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – Москва : Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010б. – С. 56–63.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – Москва : Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010в. – С. 82–109.
- Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – Москва : Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010г. – С. 122–145.
- Лотман Ю.М. Текст и полиглотизм культуры // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – Москва : Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010д. – С. 72–81.
- Лотман Ю.М. Феномен культуры // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – Москва : Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010е. – С. 35–55.
- Hodgen M.T. The doctrine of survivals. – London : Allenson, 1936. – 198 p.

References

- Glukhov, S.V. Kulturnye perezhitki E.B. Taylora: popytka klassifikazii [E.B. Tylor's Survivals: an attempt at classification]. In *Vestnik Kulturologii*, no 4 (103), 2022, pp. 10–25. (In Russ.)
- Pivoev, V.M. Filosofiya kultury [Philosophy of culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2020. 426 p. (In Russ.)
- Tejlor, E. Pervobytnaya kultura: v 2 kn. [Primitive culture in 2 vols]. Book 1. Moscow, TERRA – Knizhnyj klub Publ., 2009. 464 p. (In Russ.)
- Filosofskaya enciklopedia [Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya enciklopedia Publ., 1983. 840 p. (In Russ.)
- Lotman, Y.M. Kultura i vzryv [Culture and explosion]. In *Semiosfera*, Saint-Petersburg, Iskusstvo – SPb. Publ., 2000a, pp. 12–149. (In Russ.)
- Lotman, Y.M. Mif – imya – kultura [Myth – name – culture]. In *Semiosfera*, Saint-Petersburg, Iskusstvo – SPb. Publ., 2000b, pp. 525–542. (In Russ.)

Lotman, Y.M. O semioticheskom mekhanizme kultury [On the semiotic mechanism of culture]. In *Semiosfera*, Saint-Petersburg, Iskusstvo – SPb. Publ., 2000v, pp. 485–503. (In Russ.)

Lotman, Y.M. Stat'i po tipologii kultury [Articles on the typology of culture]. In *Semiosfera*, Saint-Petersburg, Iskusstvo – SPb. Publ., 2000g, pp. 392–461. (In Russ.)

Lotman, Y.M. Nepredskazyemye mekhanizmy kultury [Unpredictable mechanisms of culture]. Tallinn, TLU Press, 2010a. 234 p. (In Russ.)

Lotman, Y.M. Kultura i yazyk [Culture and language]. In *Chemu uchatsya. Stat'i i zametki* [What people learn. Articles and notes]. Moscow, Centr knigi VGBIL im. I.M. Rudomino Publ., 2010b, pp. 56–63. (In Russ.)

Lotman, Y.M. O semiosfere [On the semiosphere]. In *Chemu uchatsya. Stat'i i zametki* [What people learn. Articles and notes]. Moscow, Centr knigi VGBIL im. I.M. Rudomino Publ., 2010v, pp. 82–109. (In Russ.)

Lotman, Y.M. O soderzhanii i strukture ponyatiya “chudozhestvennaya literatura” [On the content and structure of the concept of “fiction”]. In *Chemu uchatsya. Stat'i i zametki* [What people learn. Articles and notes]. Moscow, Centr knigi VGBIL im. I.M. Rudomino Publ., 2010g, pp. 122–145. (In Russ.)

Lotman, Y.M. Tekst i poliglotizm kultury [Text and polyglotism of culture]. In *Chemu uchatsya. Stat'i i zametki* [What people learn. Articles and notes]. Moscow, Centr knigi VGBIL im. I.M. Rudomino Publ., 2010d, pp. 72–81. (In Russ.)

Lotman Y. M. Fenomen kultury [The phenomenon of culture]. In *Chemu uchatsya. Stat'i i zametki* [What people learn. Articles and notes]. Moscow, Centr knigi VGBIL im. I.M. Rudomino Publ., 2010e, pp. 35–55. (In Russ.)

Hodgen, M.T. The doctrine of survivals. London, Allenson Publ., 1936. 198 p.